О. В. ЗАХАРОВА
Петрозаводск

ПРОБЛЕМА ФОРМУЛЬНОСТИ МОТИВА В БЫЛИНЕ «КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА» ИЗ РЕПЕРТУАРА РЯБИНИНЫХ-АНДРЕЕВЫХ

Проблема формульности эпического стиха не нова в отечественной и мировой фольклористике. О ней писали А. Ф. Гильфердинг, В. Миллер, В. Жирмунский, Б. Н. Путилов, А. Лорд, В. М. Гацак, Н. Г. Черняева, П. Д. Ухов и другие исследователи[1]. Рассмотрим эту проблему на примере анализа былины «Королевичи из Крякова».

В основе современных дискуссий о мотиве лежит теория сюжета А. Н. Веселовского и его понимание сюжета «как комплекса мотивов»[2]. Мне уже доводилось давать обзор различных методологических подходов к проблеме мотива и сюжета[3]. Резюмируя сделанные ранее в монографии выводы по проблеме мотива, отмечу: *мотив функционален, этикетен, структурен* и *тематичен*.

© Захарова О. В., 2004

[1] *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 29—84; *Миллер В.* Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль. 1894. № 3. С. 1—18; *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца: из текстологических наблюдений над былинами // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 220—269; *Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М., 1997; *Ухов П. Д.* Атрибуция русских былин. М., 1970; *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974; *Лорд А. Б.* Сказитель. М., 1994; *Черняева Н. Г.* Проблемы типологии искусства северно-русского былинного сказителя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1977; *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени. М., 1989.

[2] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989. С. 301.

[3] См.: *Захарова О. В.* Былины: Поэтика сюжета. Петрозаводск, 1997. С. 37—50.

Несколько мотивов, связанных между собой тематически и образующих микросюжет, могут объединяться в эпизод.

Былина «Королевичи из Крякова» в эпической традиции Рябининых-Андреевых была «понята» всеми поколениями сказителей и известна в девяти вариантах. Дважды былину записывали от Т. Г. Рябинина[4], один вариант записан от И. Т. Рябинина[5], неполный вариант и фрагмент записаны от И. Г. Рябинина-Андреева[6], больше всего вариантов (4) записано от П. И. Рябинина-Андреева[7].

Несмотря на высокую степень устойчивости данного сюжета на уровне мотивов в эпической традиции Рябининых-Андреевых, в тексте былины нет дословных совпадений ни в повторных записях, сделанных от одного сказителя, ни тем более в вариантах, записанных от разных поколений.

Былина «Королевичи из Крякова» начинается представлением героя. У всех сказителей этот мотив является контаминацией мотивов происхождения героя и выезда в чисто поле за «охотою», причем выражено это и синтаксически — в рамках одного предложения. В мотиве называются город, село, улица, подворье, откуда отправляется на охоту Петрой Петрович. Мотив представлен как формула («откуда, кто и зачем выезжал»), которая есть во всех вариантах, записанных от эпической традиции Рябининых-Андрее-

---

[4] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. С. 179—186; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 143—151.

[5] *Истомин Ф. М., Дютин Г. О.* Песни русского народа, записанные в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. С. 29—37.

[6] Былины И. Г. Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1948. С. 101—105, 118—119.

[7] Первый вариант — запись С. И. Бернштейна, сделанная в июне 1926 г., опубликован А. М. Астаховой во 2-м томе «Былин Севера» (с. 516—520); второй вариант записан 9 июля 1926 г. в Сенной Губе С. П. Бородиным, В. А. Дынник, Ю. А. Самариным, Ю. М. Соколовым и опубликован в 13-м томе «Летописей» (Онежские былины // Летописи. М., 1948. Т. 13. С. 452—459); третий вариант — запись М. Б. Каминской от 5 августа 1931 г., опубликован А. М. Астаховой во 2-м томе «Былин Севера» (с. 228—238); четвертый вариант — собственноручная запись, сделанная сказителем в 1936 г., опубликован в издании «Былины П. И. Рябинина-Андреева» в 1939 г. (с. 91—97).

вых. В девяти вариантах почти дословно совпадают лишь первые две строки, которые с небольшими изменениями звучат так:

Из того из города из Крякова,
Из того села ли из Березова.

Отличия заметны, если задать вопрос: кто и откуда выезжал. Во втором варианте былины, записанной от Т. Г. Рябинина, и в варианте, записанном от И. Т. Рябинина, имя героя не называется, говорится лишь о молодце, что «охвочь ездить... был за охваткою». Во всех остальных вариантах, записанных от Рябининых-Андреевых, называется имя героя и указывается его социальное происхождение — «королевский сын». Во всех вариантах П. И. Рябинина-Андреева добавляется еще одна строка, представляющая и характеризующая героя: «Выезжал дуродний добрый молодец».

В двух вариантах Т. Г. Рябинина есть и другие различия: в первой записи отсутствует улица Рогатица, названная в остальных вариантах в эпической династии Рябининых-Андреевых. Вариативно и определение подворья, из которого выезжал Петрой Петрович. В первых трех вариантах — подворье богатырское, у И. Г. Рябинина-Андреева эта деталь отсутствует, в вариантах П. И. Рябинина-Андреева подворье в трех случаях называется королевским, в одном — «княжанецким».

В вариантах Т. Г. Рябинина и И. Т. Рябинина сказано, что Петрой Петрович «охвочь» был ездить за «охваткою», в вариантах П. И. Рябинина-Андреева он просто выезжал «за охотою». В первом варианте Т. Г. Рябинина «раздольице чисто поле» определяется как славное, в других вариантах это определение отсутствует. Во втором варианте Т. Г. Рябинина, в варианте И. Т. Рябинина и в четырех вариантах П. И. Рябинина-Андреева появляется предикат, который дан в различных видовременных формах (*ездил / выезжал*).

В двух из четырех вариантах П. И. Рябинина-Андреева отсутствуют две строки, рассказывающие о предмете охоты героя.

В сюжете былин, записанных от Рябининых-Андреевых, различно количество дней охоты Петроя Петровича. В вариантах Т. Г. и И. Т. Рябининых охота длится один день, во фрагменте И. Г. Рябинина-Андреева и в одном варианте П. И. Рябинина-Андреева два, в полной версии И. Г. Рябинина-Андреева и в трех вариантах П. И. Рябинина-Андреева — три дня. В варианте И. Г. Рябинина-Андреева отсутствует констатация тщетности выезда: «Не наехал ни гуся, ни лебедя, Ни малого перелетного утеныша». Рознятся у сказителей и формулы пути: в первом варианте Т. Г. Рябинина «Он проездил день с утра до вечера», во втором варианте Т. Г. Рябинина и в варианте И. Т. Рябинина «целый день с утра ездил до вечера», в вариантах И. Г. и П. И. Рябининых-Андреевых «Да й проездил молодец по день поры». В одном из вариантов П. И. Рябинина-Андреева появляется упоминание о богатырском коне: «Припускал коня да богатырского».

Таким образом, в девяти вариантах устойчивым и постоянным является лишь сам мотив, тогда как его лексическое выражение (называние героя, места, времени и действия) различно в каждом варианте.

Любое типичное действие имеет свои составляющие. Разложение действия на составляющие есть его алгоритм, но действие в эпическом повествовании может не совпадать с алгоритмом реального действия. Алгоритм повествования избирателен, представленное в эпическом сюжете действие «этикетно». В таком виде представлены мотивы встречи с лебедушками и угрозы Петроя Петровича, которые разработаны с незначительными изменениями. Их высокой сохранности способствует ясный и логичный алгоритм действия. Алгоритм встречи с лебедушками выглядит так: «ездил с утра до пабедья» — «подъехал-то ко синему ко морюшку» — «насмотрел две белых две лебедушки» — «на забереги», «на затресьи» «плавают две лебеди колыблются». В то же время мы не можем говорить о дословном совпадении. В первых четырех вариантах присутствует констатация успешности путешествия, в вариантах, записанных от П. И. Рябинина-Андреева, она утрачена.

В варианте И. Г. Рябинина-Андреева добавляется эпитет *славное* к поэтическому локусу *синее море:* «заехал он ко славному й синю морю». Формула *славное синее море* усвоена П. И. Рябининым-Андреевым. Необязательной (ее нет в двух вариантах П. И. Рябинина-Андреева) оказывается строка, в которой предикат дан в вариантах *насмотрел / усмотрел* или вообще отсутствует. В единственном варианте И. Г. Рябинина-Андреева герой останавливается в пути: «становил он коня богатырского». У двух первых сказителей остановка Петроя Петровича включена в структуру мотива угрозы героя лебедушкам. Интересно, что в записях трех первых поколений сказителей и в одном варианте П. И. Рябинина-Андреева встреча с лебедушками происходит «на забереге», в то время как в трех остальных записях от него — «на загубье». В одном из вариантов П. И. Рябинина-Андреева названо имя лебедушек: «две прекрасныи Настасьи Митриевичны».

Мотив угрозы Петрой Петровича имеет следующий алгоритм: «становил-то он коня» — «тугой лук розрывчатой отстегивал» — «наложил-то... стрелочку каленую» — «натянул тетивочку шелковеньку» — «хотит подстрелить». Начиная с И. Г. Рябинина-Андреева в этом мотиве появляется имя героя. В вариантах П. И. Рябинина-Андреева утрачена деталь из описания процесса отстегивания лука: «От того от праваго от стремечка булатнего». В варианте И. Г. Рябинина-Андреева и в двух вариантах П. И. Рябинина-Андреева возникает подробность: «А хотит спустить тетивочку й шелковую А во эту стрелочку й каленую».

Мотив структурен. Он может быть разложен на ряд действий и выражен как в одной фразе, так и разработан подробно — разложен на ряд последовательных действий. Основной тип связи между мотивами — сочинение (последовательное соединение), но в образной нерасчленимости мотивов может возникать и подчинение, которое проявляется в иерархии мотивов. Существуют главные и подчиненные мотивы. В разных записях один и тот же мотив может быть и главным, и второстепенным. Ведущие мотивы могут становиться составляющими в зависимости от того, какое

значение им придает сказитель. Последовательность главных и второстепенных мотивов в каждом варианте индивидуальна, но в рамках эпической традиции Рябининых-Андреевых их состав устойчив. Мотив предостережения лебедушек также структурен. В него входят следующие составляющие, которые образуют эпизод: ответ, обращение к богатырю, рассказ о себе, совет и предсказание лебедушек о встрече с вороном.

Первый мотив, входящий в эпизод предостережения лебедушек, — ответ лебедушек. Он есть во всех записях, но лексическое выражение предиката варьируется: *проязычили* языком человеческим, *взлепетали* языком человеческим (вариант: «*воспроговорили* белые лебедушки, проязычили языком человеческим» у Т. Г. и И. Т. Рябининых).

Второй мотив — обращение лебедушек к богатырю — в первых трех вариантах, записанных от Т. Г. и И. Т. Рябининых, содержит незначительное расхождение. Так, в первой записи Т. Г. Рябинина сердце имеет эпитет *богатырское*, во второй записи Т. Г. Рябинина и в варианте И. Т. Рябинина — *молодецкое*. В этих вариантах Петрой Петрович назван «Славным богатырем святорусским», данная характеристика отсутствует в остальных записях.

В варианте И. Г. Рябинина-Андреева и во всех четырех вариантах П. И. Рябинина-Андреева мотив обращения лебедушек к богатырю разработан иначе. В варианте И. Г. Рябинина-Андреева лебедушки обстоятельнее, чем в предыдущих, предсказывают последствия возможного исполнения угрозы Петроя Петровича: он может подстрелить лебедушек, кровь пролить «во сыру воду», перья разнести «по синю морю», но не найдет утешения. В вариантах П. И. Рябинина-Андреева в предсказание о последствиях исполнения угрозы добавлена еще одна деталь: «нашу тушицу ты спустишь в глубоку воду».

Во всех вариантах П. И. Рябинина-Андреева обращение лебедушек к богатырю включает в себя и следующий мотив — рассказ лебедушек о себе, который у других сказителей выделен особо. П. И. Рябинин-Андреев использует контаминацию мотивов как

объяснение, почему богатырь, убив лебедушек, не сможет «утешить себя», т. е. удовлетворить свою «охоту». В то же время мы не можем говорить об устойчивости этого мотива у П. И. Рябинина-Андреева. В первых двух вариантах лебедушки обращаются к герою, называя его по имени. В первом и третьем вариантах дважды предсказывается напрасность убийства лебедушек: «Не укрятаешь плеча й могучего, Не утешишь теби сердце богатырскаho». Из его четырех вариантов наиболее подробно мотивы разработаны в первой записи. Так, формула времени, которая передает, сколько лет лебедушки скрываются на «Святой Руси», выражена у П. И. Рябинина-Андреева в трех строках:

Да й летам поры времечки по год поры,
Да й летам поры времечки по два году,
Да й летам поры времечки по три году.

В этом же варианте П. И. Рябинина-Андреева встречается гидроним «славное Онег сине море», но имя лебедушек не называется.

Третий подчиненный мотив — рассказ лебедушек о себе. В отличие от контаминации П. И. Рябинина-Андреева, разночтения у других сказителей незначительны: это или пропуск одного слова, или изменение порядка слов в строке. Формула времени в вариантах Т. Г. Рябинина, И. Т. Рябинина и И. Г. Рябинина-Андреева дана в одном стихе: «Мы летаем поры времени по три году». В первом варианте Т. Г. Рябинина лебедушки сообщают о своем изгнании из Золотой Орды, формула времени включена в рассказ о гонителе: «Со тоя мы со славной с Золотой Орды, Летаем мы от пана поганого по три году».

Четвертый подчиненный мотив, который представлен во всех вариантах, — совет лебедушек, наименее устойчивый в эпической традиции Рябининых-Андреевых. Самая короткая версия этого мотива обнаружена в четырех вариантах П. И. Рябинина-Андреева, он выражен в одной строке: «Поезжай-ко ты в раздольица й

чисто поле». В первой записи Т. Г. Рябинина лебедушки отправляют героя не только в чисто поле, но и «ко славному ко городу ко Киеву». В вариантах Т. Г. Рябинина и И. Т. Рябинина будущий соперник героя (встречу с которым герою предсказывает ворон) осмыслен как враг Руси и князя Владимира, который в Киеве «есто, пьет и проклаждается, И над собой невзгодушки не ведает». Эти два варианта почти дословно совпадают между собой, различия объясняются разной передачей диалектных особенностей речи сказителей. Наиболее разработан вариант И. Г. Рябинина-Андреева, в котором князь Владимир изображен на пиру в окружении князей, бояр, сильных и могучих богатырей.

Последний составляющий мотив — предсказание лебедушек о встрече с вороном. В эпической традиции Рябининых-Андреевых в этом мотиве нет ни одного стиха, который бы оказался неизменным во всех вариантах.

Во второй записи Т. Г. Рябинина, в вариантах И. Т. Рябинина и И. Г. Рябинина-Андреева данный мотив начинается с повторения совета герою отправляться в чисто поле. Во всех вариантах наличествует совет подъехать «к сыру дубу», название которого вариативно: крякнавист, кряковист, кряковый, крякновиц и невид дуб. В трех первых вариантах встреча героя с вороном предсказана в двух стихах: «Насмотри-ка ты птицу во сыром дубу: Сидит-то птица черный ворон во сыром дубе». В трех вариантах П. И. Рябинина-Андреева это сказано в одной строке, в четвертой записи дуб приобретает эпитеты *славный* и *большой*. В варианте И. Г. Рябинина-Андреева и в одной записи П. И. Рябинина-Андреева лебедушки советуют герою убить ворона. В первых трех вариантах Т. Г. Рябинина и И. Т. Рябинина описание ворона совпадает: «Перьице у ворона черным черно, Крыльицо у ворона белым бело, Перьица роспущены до матушки сырой земли». В описаниях И. Г. и П. И. Рябинина-Андреева произошла замена атрибутов: перьице белым-бело, крыльице черным-черно и «крыльица распущены по матушке сырой земле». В ряде записей имеется выразительная формула представления необык-

новенной птицы: «Эдакой птицы на свете не видано, на белоем не слыхано».

Таким образом, можно разобрать все мотивы в былине. В некоторых случаях разночтений будет больше, в других — меньше. Но факт остается фактом. В отличие от литературного, в фольклорном произведении нет лексической стабильности текста. Вопреки существующим суждениям о том, что сказители запоминали текст, формулы, типические места, в эпической традиции Рябининых-Андреевых дословные совпадения незначительны как при повторном исполнении, так и тем более при передаче сюжета от одного сказителя другому. Текст сохраняется не на лексическом, а на сюжетном уровне, и эту устойчивость обеспечивает мотив.